
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

MONGOLICA-III

Из архивов отечественных монголоведов XIX — начала XX вв.

Составитель и автор предисловия И.В.Кульганек

Санкт-Петербург
Издательство "Фарн"

1994

"Монголика-III". — СПб., "Фарн", 1994. — с.96 с илл.

ISBN 5-900461-028-5

Сборник издан на средства фонда "Культурная инициатива"

Сборник, состоящий из двух частей: "Из истории российского монголоведения" и "Монголоведение сегодня", ставит своей целью заполнить многочисленные лакуны и восстановить "забытые страницы" целых периодов существования монголоведной науки. Главными источниками данного исследования явились архивные материалы, впервые введенные в научный оборот. Книга рассчитана как на профессионалов-монголоведов, так и на более широкий круг читателей публики, интересующейся историей культуры России.

Отв. редактор С.Г.Кляшторный

ISBN 5-900461-028-5

© Все авторские права сохранены. Перепечатка отдельных статей преследуется законом и разрешена только с согласия авторов.

© Издательство "Фарн", 1994.

© Виноградова Н.А. Оформление, 1994.

Содержание

Foreword	5
Предисловие	8
Из истории российского монголоведения	
В.Л.Успенский. Монголоведение в Казанской Духовной Академии	11
Е.М.Даревская. Англичанин из Лондона в ургинской школе	18
К.Н.Яцковская. Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П.Шастиной (1898-1980)	23
Н.П.Шастина. Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе	26
Н.П.Шастина. Фрагменты статьи об аймачном храме "Орлуд"	28
И.И.Ломакина. В.А.Казакевич как монголист и его материалы о Джа-ламе	35
В.М.Алпатов. Советское востоковедение в оценках Н.Поппе	38
Е.М.Даревская. Письма И.М.Майского А.В.Бурдукову	47
Н.А.Симукова. Имя А.Д.Симукова возвращается в науку	57
Список опубликованных работ А.Д.Симукова (на русском языке)	61
А.Симуков. Доклад о двенадцатилетней работе в МНР и ее результатах	62
А.Симуков. Итоги работы Географического отделения Научно-Исследовательского Комитета МНР за 15 лет	64
Монголоведение сегодня	
Дмитриев С.В. Версии коронации Темучина с точки зрения политической логики (I. Теб-Тенгри)	72
Ю.В.Кузьмин. Русско-монгольские отношения в 1911—1912 годах и позиция общественных кругов России	75
С.Кибирова. Лютни Центральной Азии в инструментарии монголов, бурят и уйгуров	80
В.К.Шивлянова. Коллекция валиков Б.Я.Владимирцова в Пушкинском доме	86
Н.С.Яхонтова. "Краткое [изложение] "Ключа разума"	89

Монголоведение сегодня

Дмитриев С.В.

Версии коронации Темучина с точки зрения политической логики (I. Теб-Тенгри)

Борьба за власть всегда сопровождается различными легитимизирующими манипуляциями. Политические противники, обосновывая свое право на власть, прибегают к различным ухищрениям, в том числе и к услугам официальных историографов. Оценки политических фигур прошлого, таким образом, в поздней историографии во многом зависят от политических установок авторов и их заказчиков. В таком контексте нас интересует сюжет возведения на престол Темучина. В связи с этим сюжетом обратимся к источникам.

В 1206 году Темучин был избран ханом и наречен именем-титлом "Чингис-хан". В разных источниках этот сюжет освещен по-разному, точнее, с разной степенью полноты. Так, в разных редакциях "Юань чао би ши" (ЮЧБШ) об этом говорится кратко: Сокровенное сказание монголов, §202: "в год Барса (1206) составил сейм, и собрались у истоков реки Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом — Чингис-ханом..." [1, с. 158].

• "Старинное китайское сказание о Чингис-хане": "Все, совокупно, поднесли ему титул Императора Чингиса" [2, с. 180].

Юань Ши (ЮШ): "Князья и чины поднесли ему название Чингис-хана" [3, с. 35].

Два варианта приведено в разных местах труда Рашид-ад-дина: 1) "На этом курилтае за ним утвердили великое звание "Чингис-хан", и он счастливо воссел на престоле. Матерью же его была жена его отца, Темучин-беки Эчигз из племени конкотан, его звали Тэб-Тэнгри" [4, кн.2, с. 150].

2) (Тэб-Тэнгри) "всегда приходил в Чингис-хану и говорил: "Бог повелел, чтобы ты был государем мира!" И чингис-ханово прозвание ему дал он, сказав при этом: "Повелителем бога имя твое такого должно быть!" [4, кн.1, с. 167].

У Хондемира: "... Один из благочестивых людей монгольских именем Бют Тэнгри, находясь на сем собрании, сказал Темучину: Господь ... избрал меня для возвещения воли своей — отдает Темучину всю землю: посему отсель и нарекаю тебя Чингиз-ханом" [5, с. 18].

Во введении к "Зефер-Наме" говорится, что "Бют Тенгри, пришедши на это собрание к Чингиз-хану, называвшемуся дотеле Темучином, сказал ему: "Некоторое существо красного цвета, на белом коне, явившись ко мне, велело идти к сыну Усукай-Багатура и сказать ему, чтоб он

не назывался отселе Темучином, но принял имя Чингиз-хана; потом оно прибавило: скажи ему также, что Бог вечный повелевает мне, чтоб я дал тебе и детям твоим большую часть четверти обитаемой земли со всеми глубинами, высотами и долинами оной". Предание говорит также, что Бют-Тенгри сказал в сем собрании Темучину: "Великий Бог велел мне отдать земли Темучину и детям и родственникам его, посему и нарицаю тебя отныне Чингиз-ханом" [5, с. 136-137, пр.39].

В почти забытой книге Николая Горлова, написанной на основании материалов, подчёрпнутых из рукописных книг, собранных им в Томской губернии, интересующий нас момент описан так: "Когда же Темучин, встав, сел опять на свое место, то вновь изъявил свою признательность своим храбрым сподвижникам, и объявил им о наградах, осыпавший им благодарениями, он удалился во внутренние покои, но неожиданно был остановлен представшим, известным народу пустынным Какчем, который громогласно объявил Темучину, ... будто он прислан к нему от Бога с повелением принять имя Чин и Гис, чтобы подданные признавали его под сим именем; что с ним сопряжено счастье подвластных ему и последующих его власти народов; что род его чрез то будет возвышен на земле; что он сделается великим обладателем, а потомки его из века в век властелинами многих народов..." [6, с. 15-16].

Особняком стоит версия Саган Сэчэна:

"На четырехугольный камень перед юртой села птичьего лица, лежа на жаворонка, и прокричала "чингис", "чингис" [7, s.70].

Таким образом, перед нами три версии возведения Темучина на престол и наречение его именем "Чингис-хан". Как правило, этот сюжет рассматривается с точки зрения филологии, и существует довольно обширная литература по этимологии слова "Чингис" [8; 9, с.309-310, пр.294; 10, с.42-44; 11, с. 109-11-; 12, с.7-8; 19; 13 и др.]. Мы же попытаемся рассмотреть этот сюжет с точки зрения политической логики.

Итак, первая версия, приведенная в ЮЧБШ и ЮШ, не указывает конкретное лицо, которое, присутствуя при обряде, непосредственно назвало Темучина Чингис-ханом. По второй версии этим лицом является Кокэчу, Теб-Тенгри, сын Мунлика, отчима Темучина. Третий вариант, опять-таки обезличенный, но зато в нем присутствует некая птичка. Эта последняя версия была довольно подробно изучена и история ее, по-видимому, такова. И.Я.Шмидт и

Д. Банзаров писал о том, что эта же легенда передается и китайскими историками. Г. Н. Румянцев, ссылаясь на Виделу, подтвердил это. Он указал также на тибетское сочинение с аналогичной версией. Как выяснилось, ссылка всех этих авторов на китайские источники является результатом недоразумения. П. Пелью отметил ошибки И. Я. Шмидта и Д. Банзарова. По мнению П. Пелью, А. Гобиль и Виделу, упоминающие указанную легенду, писали о том, что слышали ее от монголов. Де Гинь, который писал о легенде как об основной на китайских источниках, по мнению того же автора, просто неправильно понял А. Гобиля. То же относится и к Г. Н. Румянцеву, писавшему после П. Пелью. Что касается упоминаемых им тибетских источников, то тибетский текст представляет собой почти дословный перевод с монгольского (обзор по Н. Ц. Мункуеву) [11, с. 109-110, пр. 66].

Таким образом, это монгольская легенда, относящаяся к области народной этимологии, и ее, по мнению Б. И. Панкратова, "нельзя принимать всерьез" [13, с. 184]. Птичка, скорее всего, действительно мифический образ, хотя и нельзя полностью исключить, что она могла изначально присутствовать в сюжете.

В целом же можно именно эти три версии свести к двум: первая — обезличенная и вторая — та, в которой присутствует человек, который непосредственно нарек Темучина Чингис-ханом.

Личность этого персонажа, Кэчү-Теб-Тенгри, довольно интересна и неоднозначна. Интересно его отсутствие в сюжете коронования в ЮЧБШ и ЮШ — версиях исторических событий, основанных на первых редакциях описания коронования. Еще свежа в памяти борьба с Чжамухой, Ван-ханом за лидерство, еще живы многие очевидцы ее. Но из сюжета коронования, где в других источниках подчеркивается значение Теб-Тенгри, он выпадает. В связи с этим рассмотрим данные об этой личности в разных источниках.

В ЮЧБШ о нем опять-таки кратко: "У Хонхотанского Мунлик-Эчигэ было семеро сыновей. Старший из семерых, по имени Кокочу, был Теб-Тенгри, волхв" [1, с. 176, §244].

У Рашид-ад-дина: "Кокэчу Тэб-Тэнгри, сын Мунлик-Эчигэ, был провидцем, претендовавшим на совершение чудес" [4, кн. 2, с. 253].

Мунлик "имел сына по имени Кокэчу, которого Монголы называли Тэб-Тэнгри. Обычай его был таков, что он раскрывал тайны, предсказывал будущие события и говорил: "Бог со мной беседует, и я посещаю небо!" ... У Тэб-Тэнгри вошло в привычку в самое сердце зимы, в местности Онон-Кэрулэн, одной из самых холодных местностей садиться на лед. От тепла его тела замерзшая вода растаивала и от воды поднимался пар. Монгольское простонародье и отдельные лица говорят, — и это стало общеизвестным, — что он ездил на небо на белом коне. Разумеется, все это — несообразности и вранье простых людей, но он владеет каким-то обманом и притворством..." [1, кн. 1, с. 167].

Те же сведения приведены Мирхондом [5, с. 136].

У Н. Горлова: "Этот предсказатель, пустынный Какчей, вел особый род жизни. На него не имело влияние никакое действие стихий, разрушительное для других людей. Морозы, жары, недостаток в пище и одежде он переносил с великой легкостью, и по таким его свойствам, почитался в народе как бы святым, избранным" [6, с. 16].

Как мы видим, информация довольно куца в ЮЧБШ, развернутая в остальных источниках, но с одним нюансом у Рашид-ад-дина. Нюанс этот заключается в том, что негативно и недоверчиво оценивает шаманские способности Теб-Тенгри. По всей вероятности, это связано с тем, что Рашид-ад-дин, будучи мусульманином, придерживающимся одного из наиболее ортодоксальных течений ислама — суннизма шафиитского толка, причем — неопитом,

человеком уже в зрелые годы принявшего ислам, естественно негативно относился к язычеству — шаманизму, представителем которого был Теб-Тенгри. Та же информация у Мирхонда и в "Зефер-наме" имеет в данном случае нейтральный оттенок.

Следующее упоминание Теб-Тенгри присутствует уже в сюжете расправы с ним. Рассказ об этой расправе опять-таки подан по-разному:

У Рашид-ад-дина сначала идет конфликт с сыновьями Мунлик-Эчигэ у Хасара, брата Чингиса, в результате которого он был избит. Хасар жалуется брату, но тот ему отвечает: "Слышь непобедимым, и вот оказался побежденным!" Затем Теб-Тенгри натравливает Чингиса на Хасара, и их разнимает мать. "После этого случая стали собираться к Теб-Тенгри подданные всех девяти языков. Тут и от Чингис-хановой коновязи многие подумывали уйти к Теб-Тенгрию. Уходили к Теб-Тенгрию и крепостные Темуче-Отчигина в таком народном движении". Отчигин, отправив сначала своего человека с требованием, чтобы ему вернули его людей, затем сам отправился туда, но "семеро Хонтонанцев обступили его со всех сторон и говорят: "А в праве ты был посылать своего посла Сахора?" В страхе, как бы они чего с ним не сделали, Отчигиннойон ответил: "Да, я тут поступил не правильно, виноват!" — "А раз виноват, то проси прощения на коленях!" И велели ему стать на колени сзади Теб-Тенгрию". Затем Отчигин жалуется Чингису и получает поддержку со стороны жены последнего — Борте: "... Так, пожалуй, они изведут всех твоих братьев, и сокрушится твое могущество". После этих слов Борте-учжины Чингис-хан сказал Отчигину: "Теб-Тенгри уже явился. Я разрешаю тебе поступить по своему усмотрению". Тогда Отчигин встал, отер слезы и, выйдя, поставил наготове трех борцов-силачей". Вскоре приходит Мунлик с сыновьями, рассаживаются, но тут Отчигин хватает Теб-Тенгрию за ворот: "Вчера ты, — говорит он, — ... заставил меня молить о прощении. Давай же попытаем жребия!" И держа его за ворот, поволок к дверям. Теб-Тенгри в свою очередь схватил его за ворот, и началась борьба. Во время борьбы Теб-Тенгриева шапка упала перед самым очагом. Мунлик-отец поднял шапку, поцеловал и сунул к себе за пазуху. Тут Чингис-хан и говорит: "Ступайте меряться силами во двор!" Они выходят и там три борца ломают Теб-Тенгрию хребет. "Отчигин же вернулся в юрту и говорит: "Теб-Тенгрию заставляет меня молить о пощаде, а сам не хочет принимать моего приглашения попытать жребия: притворяется лежачим. Видно, что друг он на час!" Сразу понял Мунлик-отец, в чем дело, слезы покапали из глаз его... Шестеро сыновей его..., загородили дверь, стали кругом очага, засучив рукава. Все более теснимый ими Чингис-хан со словами: "Дай дорогу, расступись!", вышел вон. Над телом поставили серую юрту, и через три дня, по летописи, тело Теб-Тенгрия улетело на небо. Мунлику Чингис сказал: "Теб-Тенгри утесал в ход руки и ноги на братьев моих. Он распускал между ними неосновательные и клеветнические слухи. Вот за что Тенгрию не взлюбил его и унес не только душу его, но самое тело!" Потом Чингис-хан гневно стал выговаривать отцу Мунлику: "Ты не удерживал нрава своих сыновей, и вот они, возомнив себя равными, поплавились головой Теб-Тенгрию. Давно бы с вами было поступлено по образцу Чжамухи да Алтана с Хучаром, знай я о таких ваших повадках!" ... Когда не стало Теб-Тенгрия, Хонхотанцы присмирели" [1, с. 176-179; §244-246].

Такое подробное цитирование источника необходимо по следующим обстоятельствам: этот момент подан в разных источниках по-разному, и при сравнении текстов контраст совершенно явен.

Сравним сначала с версией Рашид-ад-дина: Теб-Тенгри с Чингис-ханом "говорил дерзко, но так как некоторые его слова действовали умиротворяюще и

служили поддержкой Чингис-хану, то последнему он приходился по душе. Впоследствии, когда Теб-Тенгри стал говорить лишнее, вмешиваться во все и повел себя спесиво и заносчиво, Чингис-хан полнотою своего разума и проницательности понял, что он обманщик и фальшивый человек. И в один день он со своим братом Джочи-Касаром принял решение и повелел, чтобы Тэб-Тэнгрия прикончили, когда он явится в орду и начнет вмешиваться во все его не касающееся. Джочи-Касар был до такой степени сильным и храбрым, что хватал человека двумя руками и переламывал ему спину словно тонкую палку. И так, когда явился Тэб-Тенгри и начал во все вмешиваться, ему дали два-три пинка ногой, выбросили из орды и убили. Отец же его сидел на своем месте; он поднял его шапку и не представлял себе, что того убьют. Когда убили Тэб-Тенгрия, он промолчал... [4, с. 167-168].

Как мы видим, уже другие действующие лица, несколько другая интерпретация при сохранении некоторых деталей (шапка, борьба).

Далее, отрывок из "Зефер-Наме": "Чингис-хан хотя и знал, что Бют-Тенгри обманщик и лицемер; однако же, по тогдашним обстоятельствам (т.е. когда его возводили на престол — С.Д.), не трогал его до тех пор, пока он, весьма усилившись и собрав многочисленных последователей, не стал стремиться к верховной власти, так что однажды заспорил об одном Государственном деле с братом Чингис-хановым Касар-Джуджи; но сей, схватив его за горло, так сильно ударил о землю, что он уже не встал более" [5, с. 137, комм. 39].

Здесь мы видим доработку сюжета в русле версии, предложенной Рашид-ад-дином, но уже с совершенно другой интерпретацией в конце: пустословие, вмешивание не в свои дела, заменено спором о государственных делах.

Совсем другое отношение к Теб-Тенгрию в источниках Н.Горлова. Здесь Кэччу представляется совершенно другим человеком, лишенным тех черт конкурирующего лидера, которые присутствуют в вариантах, приведенных выше. У Н.Горлова последующие события после наречения Чингис-хана описаны следующим образом: Темучин после всего предложил Какчею в награду все, что тот пожелает; "но пустынный ничего не принял. Чингис назвал его князем первой степени, Какчей и на эту почесть не обратил внимание, и не изъявил никакого знака благодарности. По известному ему образу жизни и правилам, самоотвержение никого не удивило, ибо в глазах его обольстительные предметы в свете казались ничтожными. Вскоре он удалился от Двора, которому возвестил величие и славу, и скрылся в свое уединение" [6, с. 17-18].

Как мы видим, в источниках отражены разные политические традиции в трактовке конкретных собы-

тий. Причем эти источники можно разбить еще на три группы, уже по другому признаку. Первая группа — это источники, в которых излагаются события после истечения сравнительно небольшого срока после интересующих нас событий — ЮЧБШ — 1240 год и, как полагают, основанная на сокращенной ее версии ЮШ. Здесь Кэччу отсутствует в обряде коронации вообще, зато резко негативно его личность оценивается в дальнейшем. Вторая группа — к ним относится труд Рашид-ад-дина, где фигура Теб-Тенгрия уже мифологизирована. Очень кратко он упоминается в контексте коронации и более развернуто — в сюжете борьбы с ним как лидером оппозиции. Причем, отношение к нему здесь явно уничижительное.

В источниках третьей группы — Мирхонд, Хондемир, "Зефер-Наме". В них Теб-Тенгрию посвящено много места в сюжете именно коронации. Как мы видим, чем дальше наш источник отстает от времени конкретных событий, тем более он многословен и информативен по поводу личности Кэччу, тем оценка его более размыта, меняется политическая заостренность и даже публичность.

Особняком, повторимся, стоит версия с отсутствием Кэччу и присутствием птички в сюжете коронации у Саган Сэчена.

По-видимому, в свете всех изложенных материалов, можно придти к следующим выводам:

В политике существует правило: когда идет жесткая борьба за власть, за лидерство, победитель в этой борьбе, чтобы легитимизировать полученную в результате победы власть, либо дискредитирует своего противника, либо задним числом идеализирует его и свои с ним отношения — и таким образом обстоятельность, а не человек становятся властными над судьбой каждого из них (См. отношения ЮЧБШ к Чжамухе, Ван-Хану); либо возможен третий вариант — умалчивание о роли соратника, ставшего противником в конкретных исторических событиях. В таких случаях имя последнего старательно вычеркивается, вымарывается из истории в официально изложенном варианте. Сюжеты, связанные с ним, обезличиваются, или же персонаж кем-то заменяется. В нашем случае, заместителем Кэччу выступает птичка. Здесь таким образом решаются две проблемы: одна — это та, о которой мы говорим, а другая — покровительство власти новой династии небом через посла неба — птичку. А птичка, как и шаман, является посредником между миром людей и миром богов верхнего мира.

Возможно также, что птичка и шаман изначально присутствовали в сюжетной линии, но в результате линии на умалчивание личности Кэччу и его значения в реальных политических событиях, произошло сознательное редуцирование сюжета, в результате которого шаман исчез, а птичка — знак неба, осталась, заполнив собой всю лауну в сюжете.

Примечания

1. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. — М., Л., — 1941, — Т.1.
2. Старинное китайское сказание о Чингисхане, Пер. с кит. архимандрита Палладия // Восточный сборник. — СПб., 1877. — Т.1.
3. Иакинф. История первых четырех ханов из дома Чингисова. — СПб., 1829.
4. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — Т.1. М., Л., 1952.
5. История монголов. От древнейших времен до Тамерлана. Пер. с перс. В.В.Григорьева. — СПб., 1834.
6. Горлов Н. Полная история Чингис-хана. — СПб., 1940.
7. (Schmidt I.J.) Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenthums. Verfasst von Ssanang Ssetsen Chuan taidshi der Ordus. St.-Petersburg-Leipzig, 1829.
8. Орловская М.Н. Об именах на =ci/=cip в монгольских языках // Актуальные проблемы современного монголоведения. — Улан-Батор, 1987.
9. Банзаров Д. О происхождении слова "чингис" // Собр.соч., — М., 1955.
10. Библиотека восточных историков, издаваемая И.Безрезинным. — Казань 1849, т.1, в. 1.
11. Мэн-да бэй-лу ("Полное описание монголо-татар"). Пер. с кит. введ., комм. и приложения Н.Ц.Мункуева. — М., 1975.
12. Вельтман А. Маги и мидийские каганы XIII столетия. — М., 1860.
13. Панкратов Б.И. Об этимологии титула "Чингис" // Страны и народы Востока. — М., 1989, в. XXVI.